

Непреднамеренные последствия преднамеренных действий: почему неравенство остается стабильным?¹

Ильяс Латыпов

Преподаватель кафедры анализа социальных институтов, младший научный сотрудник
Центра социологии культуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: ialatypov@hse.ru; i.latyrov94@mail.ru

Проблему неравенства обычно интерпретируют как неравенство социально-экономическое. Экономические теории объясняют стабильность неравенства связью с макропроцессами и определенной историей развития общества. Социологические теории описывают неравенство несколько шире, — включая в анализ, помимо экономических переменных, понятия статуса и престижа. Современные социологические теории делают акцент на процессах, которые формируют более тонкие механизмы производства и воспроизводства неравенства. Например, сюда относят когнитивные процессы, которые формируют категориальное неравенство на основе схематизации и классификации, а также культурные процессы, проявляющиеся в повседневных действиях через оценивание, стандартизацию и рационализацию. Однако помимо уточнения этих более тонких механизмов воспроизводства неравенства, в современных теориях представлен и непреднамеренный элемент. С точки зрения теории непреднамеренных последствий в основе такого рода процессов могут быть социальные действия, социальное взаимодействие и механизмы воспроизводства институционализированных практик. Это делает проблему неравенства более комплексной, однако позволяет уточнить ключевые ресурсы, с помощью которых оно воспроизводится. Более того, процесс устранения неравенства может привести к ситуации контрфинальности, когда изначальная интенция по снижению неравенства приводит к прямо противоположному эффекту — его увеличению. Это предполагает, чтобы процесс внедрения реформ по снижению неравенства учитывал комплексность и вероятную контрфинальность, а также анализ интенций основных участников.

Ключевые слова: неравенство, непреднамеренные последствия, теория рационального выбора, образование, контрфинальность, культурные процессы, категориальное неравенство.

Постановка проблемы

Говоря о неравенстве, социальные ученые обычно обращают внимание на то, как оно производится и воспроизводится, как влияет на жизненные шансы и возможности, какие проблемы может создать для отдельных людей и общества в целом. Стабильность неравенства объясняется разными процессами: экономическими, социальными, культурными, психологическими. Экономисты обычно ориентированы на измерение неравенства через обладание материальными ресурсами, в то время

1. Исследование осуществлено в рамках проекта «Траектории в образовании и профессии», финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

как социологи уделяют больше внимания социальным и культурным процессам. При этом развитие исследований по этой проблематике направлено на уточнение более тонких механизмов поддержания неравенства, где множество уровней и измерений переплетены между собой. Эти механизмы чаще всего действуют не напрямую, через принуждение и эксплуатацию одного класса другим, а через повседневные действия, которые связаны с социальными и культурными различиями. Эти повседневные действия как невидимая нить объединяют и разъединяют людей через, например, оценивание, категоризацию и сегрегацию. Люди стараются окружать себя людьми, похожими на них, и наоборот отстраниться от тех, кто от них отличается. Это происходит в самых разных ситуациях, от выбора места, где пообедать, до района проживания. Множество теорий, описывающих стабильность и воспроизводство неравенства, подразумевают непреднамеренные механизмы, когда неравенство есть результат действий, не подразумевающих производство этого неравенства. Цель нашей статьи — показать, как работают непреднамеренные механизмы с точки зрения разных теорий, объясняющих стабильность неравенства, и что дает выявление этих механизмов для конкретного социального анализа.

Для начала рассмотрим, как представлена проблема неравенства в экономике и социологии, каковы теоретические способы описания и объяснения проявления неравенства и его стабильности. Затем покажем, что во многих теориях, объясняющих стабильность неравенства, подразумевается непреднамеренный процесс. Это даст возможность ответить на вопрос о том, что нам дает понимание неравенства как непреднамеренного процесса и почему работа по преодолению неравенства — это более сложная и комплексная задача, не предполагающая тривиализации и абстрактных упрощений.

Проблема неравенства в экономике и социологии

Неравенство — это феномен, который обозначает неравномерное распределение каких-либо благ или ресурсов. При этом неравенство имеет разнообразные измерения. Базовым можно считать экономическое неравенство, под которым понимают, главным образом, различия в уровнях дохода, накопленного богатства и в целом во владении материальными ресурсами. В экономической науке и в социологии накопилось не мало теорий, объясняющих то, как феномен неравенства связан с различными экономическими и социальными процессами. Одним из таких механизмов производства неравенства можно назвать производственные отношения и принцип разделения труда. При капитализме общество состоит из противоположных классов, которые различаются не только по отношению к средствам производства, но и по образу жизни и классовому сознанию (Маркс, Энгельс, 1961). Другой экономический подход к анализу производства неравенства связан с экономическим ростом. Экономист Саймон Кузнец предположил, что рост неравенства обусловлен экономическим ростом, однако по мере созревания капитализма, с замедлением его развития, эта тенденция

снижается (Kuznets, 1955). Последующие эмпирические исследования показали, что эта связь не так однозначна, а иногда даже и находится в обратном предположению Кузнеца отношении (Guidetti, Rehbein, 2014; Castells-Quintana, Royuela, 2017). Даже если такая связь имеется, то рост неравенства существенно зависит от других условий экономической и политической среды, например, насколько богатые обладают политическим влиянием, насколько разные институты создают возможности для социальной мобильности (Marrero, Rodríguez, 2013; Bagchi, Svejnar, 2015).

Некоторые исследования неравенства указывают на его связь с глобализацией. Анализ глобальных рынков показывает, что существует ярко выраженный разрыв между развитыми, развивающимися и периферийными странами в уровне оплаты и в характере труда. Перенос низкоквалифицированного производства в развивающиеся страны создает неравенство в оплате труда и в требованиях к навыкам (Guidetti, Rehbein, 2014). В то же время отмечается, что развивающимся странам глобализация может помочь в создании рабочих мест и в сокращении разрыва между высококвалифицированными и низкоквалифицированными рабочими (Mills, 2009). Таким образом, глобализация рынков — это, скорее, один из факторов неравенства, который при этом существенно зависит от внутринациональных процессов (Asteriou, Dimelis, Moudatsou, 2014).

В долгосрочной перспективе, по мере их накопления, исследования начинают фиксировать, что описание зависимости роста неравенства от макроэкономических процессов имеет ряд ограничений и дополнительных переменных, а многие предсказания сокращения неравенства не сбываются, рост неравенства продолжается, несмотря на изменения в этих процессах (Nayyar, 2014; Atkinson, 2015). Сами же экономические характеристики, вроде дохода и богатства, при внимательном рассмотрении существенно различаются у разных слоев населения не только в размерах, но и в плане стабильности и перспектив накопления (Erikson, Goldthorpe, 2010; Goldthorpe, 2012).

Подход к исследованию неравенства в социологии несколько отличается от экономического. Как пишет Джон Голдторп, если в экономике преобладает анализ *атрибутивного неравенства*, то в социологии исследования направлены на *относительное неравенство*, которое предполагает многомерную стратификацию, с множеством переменных (Goldthorpe, 2012: 204). При этом в социологии выделяются два основных подхода: *классовая стратификация* и *статусные различия*. По крайней мере со времен Макса Вебера считается, что наряду с экономическими характеристиками, вроде различий в собственности, следует учитывать *престиж* и *власть*. Эти три фактора порождают экономические классы, политические партии и статусные группы (Вебер, 1992). Экономические классы, по Веберу, более раздроблены, чем по Марксу, они не являются субъектом действия. Различия между классами — это различия между возможностями на рынке труда. Статусные же группы — более аморфный феномен, связанный с некоторой социальной оценкой и признанием. Представителей статусной группы

объединяет стиль жизни, они стремятся обособиться от других, монополизировать блага и возможности. Политические партии — более формальные группы с общими интересами, часто в их составе могут быть представители определенных классов и статусных групп. Так, представление Вебера о трех стратификационных иерархиях было одной из первых социологических попыток показать более сложную природу неравенства в обществе, которая не ограничивается экономическими дихотомиями.

В современных социологических исследованиях неравенства, помимо класса (определяемого по отношению к средствам производства) и статуса, в качестве ключевых переменных, объясняющих различия в распределении ресурсов и возможностей, а также факторов производства и воспроизводства неравенства, выступают доход, богатство, образование, профессия, пол, возраст, раса, место жительства и т. д. В этой связи считается, что наиболее перспективный подход к неравенству предполагает анализ не только материальных аспектов неравенства, но и культурных, социальных и когнитивных (Lamont, Pierson, 2019: 6). К тому же в последние десятилетия социологи стали больше уделять внимания микро- и макро- аспектам неравенства и взаимосвязи процессов этих двух уровней как важному фактору понимания воспроизводства неравенства (Ridgeway, 2014). Другим перспективным направлением исследований является интерсекциональный подход к неравенству, когда положение и возможности человека в обществе объясняются пересечением нескольких социальных и экономических параметров (Walby, Armstrong, Strid, 2012; Monk, 2022).

В рамках этих направлений исследований развивается и социологическая теория, предлагающая различные описания и объяснения процесса производства неравенства. Чаще всего современные социологические теории описывают конкретный аспект или сферу неравенства, будь то экономика, культура или образование. Осмелимся утверждать, что во многих современных теориях, которые наиболее часто используются при описании процессов воспроизводства неравенства, лежит механизм непреднамеренных последствий. Но для начала следует определить, что такое непреднамеренные последствия и какие теоретические ресурсы стоят за описанием и объяснением этого феномена. Это позволит выделить три группы теорий, в основе которых заложен механизм непреднамеренных последствий, что, в свою очередь, дает понимание неравенства как непреднамеренного последствия.

Теория непреднамеренных последствий

Роберт Мертон утверждал, что тема непреднамеренных последствий так или иначе представлена в работах многих социальных ученых (Мертон, 2009: 5). Однако не все они говорили об одном и том же, и чтобы понять интерпретацию каждого, нужно не только хорошо изучить их идеи, но и «разнообразие контекстов» этих идей (Там же). Тогда мы обнаружим, что каждый ученый рассматривал проблему

непреднамеренных последствий, беря лишь определенный ее аспект и ограничивая данное понятие относительно узким (или относительно широким) кругом уточнений. Например, у Георга Зиммеля можно найти описание непреднамеренных последствий жизни в мегаполисе (Gross, 2003). Вебер фокусировался на непреднамеренных последствиях влияния протестантской этики и рационального аскетизма на развитие капитализма (Вебер, 1990; Cherkaoui, 2007; Mica, 2014). Но именно Мертон впервые взялся за систематическое изучение данной проблемы.

Так он отмечал, что непреднамеренные последствия не всегда связаны с отрицательными моментами и не обязательно воспринимаются как нежелательные. Преднамеренные, ожидаемые, последствия по определению всегда желательны, хотя не всегда и не для всех они очевидны как положительные. В целом, определяя, что такое последствия, Мертон так излагает свою позицию:

«Строго говоря, последствия преднамеренного действия сводятся к тем элементам итоговой ситуации, которые являются следствием исключительно данного действия, то есть к тому, чего не случилось бы, если бы данное действие не было совершено. Более конкретно, последствия — это результат взаимного влияния действия и объективной ситуации, то есть условий, в которых совершается действие. Нас, прежде всего, будут интересовать общие итоги действия при определенных условиях» (Мертон, 2009: 7).

У Мертона последствия определяются не только как отдаленный результат действий, но и как результат влияния *условий, в которых эти действия происходили*. Таким образом Мертон предлагает исследовать действия в более широком смысле, рассматривая их в актуальном контексте — и собственно действия, и ситуации (условий) действия.

Последствия по Мертону можно разделить на те, что влияют на субъект действия, и те, что опосредованно влияют на других субъектов, через социальную структуру, культуру и цивилизацию. Здесь открывается широкий простор для исследований непреднамеренных последствий. Мертон не ограничивает непреднамеренные последствия влиянием только на тех, кто их произвел, но предлагает рассматривать и влияние на других через институты и практику.

Помимо концептуальных ограничений в понимании непреднамеренных последствий, Мертон обращает внимание на факторы, влияющие на непреднамеренные последствия и способствующие их появлению.

Первый фактор — это *состояние знаний*. Отсутствие адекватного знания о ситуации может привести к результатам, которые изначально не задумывались. С другой стороны, прошлый опыт может отличаться от нынешней ситуации, и это различие будет влиять на последствия действия. Поэтому в определенных ситуациях незнание некоторых аспектов будет приводить к неожиданным результатам (Мертон, 2009: 12).

Второй фактор — *ошибка*. Обычно люди действуют на основе мнений и оценок и нередко могут полагаться на неверные предположения. Можно ошибиться на любом этапе действия: при оценке текущей ситуации, в выборе способа действия, в предсказании последствий. Часто ошибкой может быть допущение, что один способ действий всегда приводит к одним и тем же последствиям, тогда как в других обстоятельствах такое действие может привести к отличным результатам. Здесь может также присутствовать такая ошибка, как сосредоточение только на одном или на нескольких аспектах ситуации, в то время как множество других обстоятельств не будет учтено.

Еще два фактора, которые выделил Мертон, это «*императивность ближайшего интереса*» и «*озвученные публично предсказания*». Первый фактор означает, что сосредоточенность на непосредственных результатах действия часто исключает охват долгосрочных последствий (Мертон, 2009: 13). Второй говорит нам о том, что озвученные публично предсказания становятся новыми элементами ситуации и изменяют тем самым обычный ход событий. Это относится, в первую очередь, к озвучиванию экспертных, научных мнений, к которым прислушиваются люди и на основе которых меняют свои предпочтения и действия.

Работы Мертона являются центральными среди исследований непреднамеренных последствий на протяжении всей истории социальной мысли (Mennell, 1977; Boudon, 2016; Mica, 2018). При этом после Мертона исследование непреднамеренных последствий долгое время не вызывало широкого интереса². Как отмечал в 1982 году Раймон Будон, в современном социологическом анализе эта тема так же редка, как и обычна в общественной жизни (Boudon, 2016: 3). Однако именно на рубеже 1970-1980-х годов появляется множество работ, которые не только указывают на важность проблемы, но и вносят определенный концептуальный вклад в развитие темы (Schelling, 1978; Elster, 1978; Vernon, 1979; Sieber, 1981). Сам же Будон в это время одним из первых предлагает наиболее последовательный, систематичный и содержательный анализ проблемы непреднамеренных последствий. Вместо термина «непреднамеренные последствия» он использует понятие «*обратного эффекта*» (perverse effect). Данное понятие несколько отличается по своему значению от идей Мертона. Обратные эффекты — это нежелательные, противоречивые последствия и иногда даже противоположные изначальным интенциям. Будон дает им несколько определений:

«Если значительное число людей, оказавшихся в определенных ситуациях, придерживаются одних и тех же убеждений и высказывают одни и те же предсказания, вполне возможно, что они становятся свидетелями обратного эффекта» (Boudon, 2016: 3).

2. За 1950-е — 1960-е годы можно упомянуть только работу Карла Поппера, где отмечается, что социальные науки в значительной степени связаны с непреднамеренными последствиями и приводятся несколько таких примеров (Popper, 1957).

«... существует обратный эффект, когда два (или более) человека, преследуя данную цель, создают непреднамеренное положение дел, которое может быть нежелательным с точки зрения обоих или одного из них» (Boudon, 2016: 14).

Эти определения весьма отличаются от тех, что давал Мертон. Здесь мы находим и указание на взаимовлияние действий отдельных индивидов, и на противоположность результата интенциям акторов. Эти определения фиксируют более широкий взгляд Будона на проблему непреднамеренных последствий. Так, например, очередь, по Будону, порождает обратные эффекты, так как время ожидания воспринимается как негативное и нежелательное явление. Каждый участник очереди теряет время, но в результате приобретает определённый товар или услугу. В этом случае обратный эффект понимается как *сопутствующее нежелательное последствие*. Другим случаем обратного эффекта выступает пример Жан-Жака Руссо: два дикаря договариваются пойти на охоту на оленя, так как один дикарь не справится с такой задачей, а вдвоем они получают больше мяса от оленя, чем если бы один дикарь направился на охоту за зайцами. Однако если охота затянется и один из дикарей увидит зайца, то возможно у него возникнет желание выйти из сделки. Таким образом, дикари не достигнут того, что они планировали. В этом случае обратный эффект понимается как *противоположное намерениям последствие* (обратный эффект по типу дилеммы заключенных).

Помимо прочего, определение «обратных эффектов», пишет Будон, предполагает несколько конфигураций. Эти конфигурации можно представить в виде небольшого списка, где некоторые элементы могут суммироваться и образовывать конкретный эффект.

1. Ни один участник (1a), некоторые участники (1b), все участники (1c) не достигают своих индивидуальных целей.
2. Создание одновременно выгод (2a), или проблем (2b), или коллективных выгод и проблем (2c).
3. Каждое последствие относится только к некоторым (3a) или ко всем участникам (3b) (Boudon, 2016: 6).

Различные сочетания приведенных выше элементов имеют один общий знаменатель: существование эффектов, которые *не подразумевались в интенциях* акторов (Boudon, 2016: 8). Это значит, что все они всегда являются непреднамеренными последствиями, но этот общий знаменатель не отождествляется с традицией Мертона. Наоборот, Будон считает, что помимо этих элементов, мы должны указать, являются ли непреднамеренные последствия предвиденными или непредвиденными. Непредвиденные непреднамеренные последствия относятся к тому, о чем писал Мертон. Таким образом «непреднамеренные последствия» Мертона оказываются подклассом «обратных эффектов» Будона.

Дальнейшее развитие социологии непреднамеренных последствий двигалось в русле классификаций, систематизаций и выделения аналитических рамок для

их исследований (Giddens, 1986: 310–319; Zingerle, 1998; de Zwart, 2015: 283–284). Адриана Мика выделяет три аналитические рамки для исследования непреднамеренных последствий (Mica, 2018: 19–42).

- Непреднамеренные неожиданные последствия социального действия.
- Институты как непреднамеренные последствия социального взаимодействия.
- Механизмы воспроизводства институционализированных практик.

Первая аналитическая рамка представляет собой исследование непреднамеренных последствий конкретного/единичного действия/акта или целенаправленной активности. В ее основе лежит логика, представленная в первой статье Мертона на эту тему (Мертон, 2009). Согласно этой традиции, объяснение непреднамеренным последствиям нужно искать в определенном первоначальном действии: либо это действие основано на ошибке или незнании, либо же искажено в своих эффектах с течением времени или в реакции других.

Вторая аналитическая рамка описывает социальные институты (а также в целом социальные процессы) как непреднамеренные последствия социального взаимодействия и взаимозависимости социальных действий. Эту традицию связывают с идеей «невидимой руки», спонтанного порядка, обратных эффектов и социальных противоречий (Elster, 1978; Boudon, 2016). Согласно ей, объяснение непреднамеренным последствиям нужно искать во взаимовлиянии действий отдельных индивидов, их общих интенциях и объективной ситуации протекания этих действий. При этом ключевыми характеристиками, объясняющими непреднамеренные последствия этого типа, являются эффект композиции и отсутствие координации.

Третья аналитическая рамка обращает внимание на механизмы воспроизводства институционализированных практик. Согласно этому направлению исследований непреднамеренные последствия способствуют воспроизводству социальной структуры. Основу этого взгляда составляет не агрегация действий (в математических моделях и алгоритмах), а диалектика действий и последствий, упорядоченность и систематичность непреднамеренных последствий, которые создают новые условия для действий и выступают их фоном/ситуацией. Здесь основными механизмами систематического возникновения непреднамеренных последствий могут выступать различные когнитивные, эмоциональные, культурные, социальные процессы и отношения, а также институциональные факторы (Mica, 2018: 144).

Кратко, рассмотренные аналитические рамки можно представить в виде таблицы.

Далее будет показано, как разные теории, объясняющие воспроизводство неравенства, имеющие в своей основе механизмы производства непреднамеренных последствий, вписываются в эти три аналитические рамки.

Таблица. Три аналитические рамки исследований непреднамеренных последствий

Аналитические рамки	Непреднамеренные неожиданные последствия социального действия	Институты как непреднамеренные последствия социального взаимодействия	Механизмы воспроизводства институционализованных практик
Ключевые авторы	Р. Мертон, А. Портес	Р. Будон, Ю. Элстер	Э. Гидденс, Ч. Тилли
Механизм производства	Непреднамеренные последствия связаны с конкретным действием, его внутренней структурой и внешней реакцией.	Непреднамеренные последствия связаны с взаимовлиянием отдельных действий, с эффектом композиции и влиянием текущих условий совершения действия.	Непреднамеренные последствия встроены в воспроизводство социальной структуры.
Ключевые факторы и процессы	Ошибка, незнание, императивность ближайшего интереса, озвученные публично предсказания.	Эффект композиции, отсутствие координации, контрфинальность, субоптимальность.	Упорядоченность и систематичность действий, когнитивные, эмоциональные, культурные, социальные процессы.

Непреднамеренный процесс производства неравенства

Описание производства неравенства как непреднамеренного процесса предполагает, что процессы, которые протекают на разных уровнях, не имеют своей целью создание неравенства, по крайней мере, не это определяет направленность действий. Эта идея не нова для социологической теории, но, как кажется, не вполне четко артикулирована. В этом разделе мы рассмотрим три группы теорий, которые по-разному объясняют производство и стабильность неравенства. Будет показано, что в основе каждой из этих теорий неравенства лежит, в свою очередь, теория непреднамеренных последствий и что интерпретация неравенства с этой точки зрения во многом может поменять теоретическое рассмотрение и эмпирическое исследование его производства, а главное — изменит отношение к оценке и предлагаемым решениям проблемы неравенства.

Для начала рассмотрим *категориальное неравенство* Чарльза Тилли. В своей знаменитой книге 1998 года «Durable Inequality» Тилли утверждает, что сохранению неравенства во многом способствуют преобладающие в обществе социальные категории, через которые мы описываем других и взаимодействие с ними. К таким категориям относятся, например, мужчина/женщина, гражданин/иностранец, бедный/богатый и т. д. Этот процесс категоризации протекает в повседневном взаимодействии и люди на его основе решают множество насущных

проблем. Использование в повседневной практике категориальных различий способствует их умножению и нюансированию, а тем самым — и непреднамеренному воссозданию более сложных форм неравенства. Таким образом, создаются системы социальной закрытости, исключения и контроля (Tilly, 1998).

Тилли и сам в некоторых местах указывает на непреднамеренный характер множества результатов действия категориального неравенства (Tilly, 1998: 37, 52-56, 108). Это происходит, главным образом, при помощи четырех механизмов: эксплуатация, накопление возможностей, подражание и адаптация. Первые два механизма создают категориальное неравенство, а вторые два его поддерживают. При этом Тилли отмечает, что цель людей — получить вознаграждение с использованием ограниченных ресурсов, а установление границ и категориальное различие происходит вследствие борьбы за ограниченные ресурсы. С точки зрения теории непреднамеренных последствий, механизмы подражания и адаптации можно отнести к третьей аналитической рамке: подражание и адаптация способствуют воспроизводству неравенства, то есть дальнейшему умножению категориальных различий, которые в будущем включены в структуру множества действий.

Непреднамеренность связана также с тем, что категориальные различия закрепляются на когнитивном уровне и легко воспроизводятся (Massey, 2007). В целом такой способ восприятия других является естественным процессом, упрощающим взаимодействие, однако сложно судить о том, как когнитивные процессы напрямую приводят к непреднамеренному производству неравенства. Между этими двумя уровнями, по мнению социологов культуры и неравенства, протекают *культурные процессы*. Культурные процессы при этом трактуются как «непрерывные классифицирующие представления/практики, которые разворачиваются в контексте структур (организаций, институтов) для получения различных типов результатов» (Lamont et al., 2014: 586). К таким процессам/практикам/представлениям относятся, например, *идентификация* и *рационализация*. Идентификация подразумевает процесс соотнесения себя и других с определенными группами. Частными процессами идентификации выступают расизация и стигматизация, посредством которых люди соотносят и придают социальное значение некоторым различиям. Эти процессы часто составляют фон для повседневных действий, но при этом их действие непреднамеренно влияет на множество результатов, в особенности при распределении ресурсов. Рационализация — это процесс, описанный Вебером, характерный для капитализма и современности как уход от традиционного действия в пользу целерационального. Мишель Ламон отмечает, что частными процессами рационализации выступают стандартизация и оценивание. Первое направлено на создание правил и стандартов, а второе на выделение критериев оценки. Оба процесса направлены на создание единых критериев для разных видов практик и мотивированы позитивными целями, однако зачастую используются как преимущества более привилегированных слоев в некотором поле, тогда как другие остаются за гранью соответствий или же нуждаются в больших усилиях.

Нетрудно убедиться, что культурные процессы способствуют непреднамеренному воспроизводству неравенства, так как они составляют фон, или фрейм, в рамках которого люди совершают обычные действия. В этом плане культурные процессы также относятся к третьей аналитической рамке описания непреднамеренных последствий. Культурные процессы позволяют уловить и объяснить, как так получается, что неравенство остается столь устойчивым несмотря на множество социальных изменений, мобильность, экономический рост и реформы. При этом культурные процессы составляют не только недостающее звено в изучении неравенства, но дополняют и общую картину за счет элементов комплексности и неоднозначности, которые способствуют непреднамеренному воспроизводству неравенства. Существует множество исследований, которые показывают, как работают эти культурные процессы в повседневной жизни: через миграцию (Roth, 2012), международную торговлю (Levinson, 2006), воспитание (Lareau, 2003). Посыл Ламон и ее коллег состоит в том, чтобы изучать культурные процессы систематично и во взаимосвязи между собой.

Следующий блок теорий неравенства, который сопряжен с теориями непреднамеренных последствий, — это объясняющие неравенство в образовании, в основе которых лежит теория рационального выбора. К ним относятся: теория максимально поддерживаемого неравенства (Raftery, Hout, 1993), теория эффективно поддерживаемого неравенства (Lucas, 2001), теория относительного избегания риска (Breen, Goldthorpe, 1997) и теория первичных и вторичных эффектов (Boudon, 1974, Jackson et al., 2007; Чиркина, 2018; Куракин, 2020: 172). Ранее уже было описание того, как в целом теория рационального выбора связана с анализом непреднамеренных последствий и, в частности, — с проблемой контрфинальности, когда множество людей, одновременно действуя рационально, приходят к противоположным последствиям (Латыпов, 2021; Латыпов, 2022). При этом не обязательно, чтобы все участники были в проигрыше или чтобы у всех были одинаковые интересы. Сочетание различных предпочтений, целей и обстоятельств — это то, что создает непреднамеренные последствия; эту уникальную комбинацию и следует выявлять в каждом конкретном случае, рассматривая подробно механизм воспроизводства неравенства. Для этой цели следует далее подробно разобрать несколько теорий, объясняющих воспроизводство неравенства в образовании, и показать, что в их основе лежит все тот же механизм производства непреднамеренных последствий.

Начнем с *теории максимально поддерживаемого неравенства*. Согласно ей, если на некоторой ступени образования будет достаточное количество мест для удовлетворения запросов всего населения, то социально-экономическое неравенство будет проявляться на следующей ступени образования. В целом расширение доступа к некоторой ступени образования происходит в первую очередь для представителей наиболее привилегированных слоев населения, и только после такого насыщения идет выравнивание по социально-экономическому положению (Raftery, Hout, 1993: 56-67). Эта теория описывает некоторые закономерности ре-

форм по расширению доступа к определенной ступени образования, но собственно объяснение таких закономерностей лежит в области теории рационального выбора. Переход на более высокий уровень образования происходит, когда выгода от такого перехода превышает издержки. К тому же у семей, где родители имеют высшее образование, сама ценность высшего образования также выше (Glaeser, Coorep, 2014; Косякова, Ястребов, Янбарисова, Куракин, 2016). Таким образом, макроэффект различий в уровне перехода на более высокий уровень образования объясняется различием в индивидуальных мотивациях и потребностях в образовании. Важно, что речь идет о субъективной рациональности, то есть с точки зрения именно конкретной семьи, в зависимости от ее социально-экономического положения, делается выбор о переходе на более высокий уровень образования. Макроэффект создается непреднамеренно, потому что каждая семья исходит из своего положения и своих целей, даже если объективно их выбор может быть не оптимальным.

Теория максимально поддерживаемого неравенства обычно рассматривается в тесной связи с теорией *эффективно поддерживаемого неравенства*, которая гласит, что даже если некоторая ступень образования становится общедоступной для всего населения, то неравенство все равно сохраняется на качественном уровне (Lucas, 2001). И хотя обе эти теории являются теориями макроуровня, они имеют под собой все то же объяснение рационального действия людей из разных социальных слоев. В частности, если посмотреть внимательно на теорию эффективно поддерживаемого неравенства, то качественные различия в образовании объясняются наличием такого спроса и притязаний со стороны семей с большим культурным и экономическим капиталом. Опять же, макроэффект неравенства связан с наличием разных возможностей и использованием этих возможностей, прежде всего, с точки зрения субъективной рациональности. Неравенство непреднамеренно воспроизводится, потому что эта рациональность ограничена в своей информации: непривилегированные обладают меньшей информацией о поступлении в селективные вузы. Даже обладая высокими академическими результатами, они значимо реже поступают в селективные вузы, чем представители привилегированных классов (Лукина, 2023: 145-147).

Теория *относительного избегания рисков* основана на теории рационального действия и также объясняет механизм воспроизводства неравенства (Green, Goldthorpe 1997). Согласно ей, семьи ориентированы на то, чтобы их дети заняли социальную позицию не ниже той, на которой располагаются родители. Эти устремления различаются в зависимости от социально-экономического положения, то есть от наличия ресурсов и с учетом оценок шансов на успех. Таким образом предполагается, что обеспеченные семьи, где у обоих родителей высшее образование, будут стремиться к получению высшего образования для своих детей, в то время как семьи с низким социальным положением будут менее ориентированы на высшее образование.

Еще одна теория, объясняющая неравенство в образовании — это теория *первичных и вторичных эффектов неравенства* (Boudon, 1974, Jackson et al., 2007). К первичным эффектам относятся различия в успеваемости в зависимости от социально-экономического положения: дети из более обеспеченных семей показывают успеваемость выше, чем дети из менее обеспеченных. Вторичные эффекты указывают на то, что даже при одинаковом уровне успеваемости дети из обеспеченных семей чаще совершают выбор в пользу продолжения обучения, чем дети из менее обеспеченных семей. При этом фактор обеспеченности семьи влияет не только на выбор более высокого образования, но и на повышенное качество и престижность этого образования (Хавенсон, Чиркина, 2018: 77).

По сути, все эти теории содержат одну общую аксиому: более обеспеченные семьи имеют большие притязания на более высокое и качественное образование и достаточные возможности для осуществления этого. В каждой конкретной ситуации, по крайней мере с точки зрения субъективной рациональности, в зависимости от социально-экономического положения, выбор в пользу продолжения образования и выбор в пользу более качественных и престижных учебных заведений всегда оптимален, исходя из ресурсов, притязаний, выгод и издержек. При этом неравенство сохраняется, даже если институционально образование претерпевает изменения. Первые две теории как раз и направлены на описание этого процесса: даже если какой-то уровень образования становится доступным для всех, то на нем все равно сохраняются различия в качестве образования, а на следующей ступени сохраняются как количественные, так и качественные различия. Рынок образования, или институт образования, так устроен, что при существенных изменениях на институциональном уровне происходят существенные изменения на индивидуальном уровне, меняются притязания и предпочтения родителей и детей, и с изменением спроса меняется предложение. В этом плане эти теории в своей основе имеют механизм производства неравенства как непреднамеренного последствия взаимодействия и взаимовлияния отдельных действий и условий. С другой стороны, неравенство непреднамеренно воспроизводится, потому что все эти теории подразумевают субъективную рациональность, которая ограничена в своей информации. Таким образом имеет место фактор наличия или отсутствия определенных знаний и ошибочные предположения в выборе действия, что ближе к аналитической рамке непреднамеренных последствий мертоновского типа.

Воспроизводство неравенства зависит от множества когнитивных и культурных процессов, а также от рационального выбора в разных социально-экономических условиях. Эти процессы и выбор непреднамеренно влияют на воспроизводство неравенства. Для более глубокого анализа взаимодействия процессов воспроизводства неравенства и эффектов непреднамеренных последствий следует подробнее остановиться на феномене контрфинальности, который позволяет детально описать и объяснить некоторые способы производства неравенства, а также неудачи в попытках его преодоления.

Контрфинальность в воспроизводстве неравенства

Контрфинальность получила уже множество разнообразных определений в социальных науках, это зонтичный термин для разных дисциплин и концепций. Жан Поль Сартр ввел и использовал термин «контрфинальность» для описания непреднамеренных исторических последствий совокупности действий (Sartre, 2004). По его мнению, контрфинальность возникает, когда некоторая практика распространяется повсеместно и становится привычным действием, дающим выгоду в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной — трагедию.

Юн Элстер, развивая понятие «контрфинальность» в социологической теории, использует его несколько шире и дает более системное его описание:

«Контрфинальность — это непреднамеренные последствия, которые возникают, когда каждый человек в группе действует на основе такого предположения о своих отношениях с другими, что при обобщении, они дают противоречие в выводе ошибки композиции, при том, что antecedent этой ошибки является истинным» (Elster, 1978: 106).

Таким образом, для Элстера важными составляющими контрфинальности становятся *нескоординированность действий* и *эффект композиции*. В подобном же ключе рассуждает и Раймон Будон, описывая обратные эффекты, прежде всего, в области неравенства в образовании (Boudon, 2016; Van Parijs, 1982).

Рассматривая различные концепции контрфинальности в контексте неравенства, представляется важным обозначить несколько вопросов, ответы на которые дадут понимание применения той или иной концепции. Главное в них — это то, что всегда есть *противоположный результат*, но противоположный чему именно? Кто является агентом интенции, и какие силы или обстоятельства влияют на недостижение результата? Рассмотрим наиболее приемлемые ответы.

Во-первых, результаты могут быть противоположны интенциям на основе *эффекта композиции*, когда в силу ограниченности товара или ресурса невозможно равномерное их распределение среди всех участников, использующих их для достижения своей цели. Этот ответ наиболее близок концепции контрфинальности Элстера. В такой ситуации в группе всегда будут победители и проигравшие, и дело даже не в том, что кто-то лучше, а кто-то хуже. Разница, скорее, в некоторой доле удачи и своевременности некоторых действий³. В контексте неравенства — это также разница между начальными позициями субъектов, их капиталом и возможностями. В этом понимании неравенство как контрфинальность можно наблюдать, например, в образовании и на рынке труда: ограниченное количество бюджетных мест и вакансий создает борьбу между участниками, где победа определяется рядом факторов.

3. Роль удачи и случайности в формировании жизненных шансов — одна из вновь недавно поднятых тем в социологии неравенства (Sauder, 2020).

Во-вторых, результаты могут быть противоположны, потому что ситуация оказалась слишком сложной, и обстоятельства способствовали противоположному результату. Этот ответ наиболее близок к идеям Мертона об ошибках и недалековидности, а также к идее контрфинальности по Сартру. Часто выбирая между несколькими вариантами, люди приходят к одному и тому же выбору, или же долгое время совершают одни и те же действия, которые в перспективе приводят к противоположным последствиям.

В-третьих, противостояние разных групп противоположных интересов может создавать контрфинальность. Тут наиболее подходящим примером можно считать реформы или нововведения, которые осуществлялись с тем, чтобы изменить ситуацию, но любые институциональные или поведенческие изменения с одной стороны, приводят к институциональным или поведенческим изменениям и с других сторон. Это объясняет, почему, когда вводятся реформы по устранению неравенства в образовании, возникают новые институциональные механизмы, которые воспроизводят неравенство, и меняется поведение, которое сохраняет неравенство. Этот механизм, как было показано ранее, лежит в основе теории эффективно поддерживаемого неравенства.

Наконец, в-четвертых, важно, каковы изначальные интенции, и что можно считать противоположным результатом. Например, когда правительство проводит реформу в образовании с целью сокращения гендерного или социально-экономического неравенства в распределении учебных мест, оно может достичь успеха в этом деле, но в другом измерении неравенства ситуация может не то, что не измениться, но и ухудшиться. Многие исследования показывают, что даже если устранить неравенство в образовании, это не устранит, а иногда и усилит, неравенство экономическое. (Breen, Chung, 2015; Boudon, 2016).

Представленные концепции и аспекты контрфинальности находят применение в разных контекстах производства неравенства. Наиболее общими можно назвать два: неравенство как контрфинальность и контрфинальность как результат политики снижения неравенства. В первом случае сам процесс воспроизводства неравенства связан с эффектом композиции, ошибками и недалековидностью, во втором случае изначальная интенция по снижению неравенства приводит к противоположному результату, то есть воспроизводству неравенства. Если первый контекст можно использовать, скорее, как теоретический инструмент описания процесса воспроизводства неравенства, то второй вполне применим на практике: продуманная стратегия по снижению или устранению неравенства должна включать анализ ключевых интересов агентов действия, анализ различных условий и обстоятельств, учет разных измерений неравенства.

Заключение

Ранние концепции, описывавшие неравенство как проблему борьбы за власть и богатство, видя в неравенстве только экономический аспект, не позволяли го-

ворить, что неравенство отмечено непреднамеренностью. Последнее является атрибутом социального и коллективного действия, а значит составляет предмет социологии. Современные социальные исследования, описывающие неравенство в терминах категориальных различий, культурных процессов, распределения культурного, экономического и символического капиталов, позволяют уловить этот элемент непреднамеренности. Они показывают, как повседневные действия, не подразумевающие воспроизводства неравенства, приводят к непреднамеренным последствиям его воспроизводства. Эти теории объясняют, как люди, преследуя индивидуальные рациональные цели, действуют коллективно не оптимально и создают неравенство в обществе. Неравенство больше не проблема актуальных ресурсов, это проблема понимания, восприятия и использования доступных возможностей.

Такое понимание неравенства усложняет и процесс реформ по снижению неравенства. Это требует более комплексной и тонкой работы, так как, согласно концепции контрфинальности, при любых целенаправленных действиях, направленных на изменение ситуации, возникают неучтенные обстоятельства, и, более того, изменяется поведение других групп интересов. Такое понимание неравенства, в первую очередь, должно изменить подход к оценке инструментов, направленных на его преодоление. Эта оценка должна включать анализ рисков, анализ разных групп интересов и возможных изменений в поведении ключевых акторов.

Неравенство — это непреднамеренное последствие рациональных действий отдельных индивидов, которые совершаются в определенных институциональных, культурных и пространственно-временных условиях. Именно непреднамеренность, как было показано выше, и делает неравенство столь серьезной, комплексной и трудно разрешаемой проблемой. Многие неудачи реформ и политики по преодолению неравенства связаны именно с тем, что не до конца ясно, какие конфигурации и механизмы стоят за каждым конкретным проявлением этой проблемы. Вслед за когнитивным поворотом, который показал важность когнитивных процессов для производства неравенства, и за культурным поворотом, который показал, что культурные процессы мезоуровня составляют недостающее звено в непреднамеренном производстве неравенства, возможно, будущие исследования позволят лучше понять процесс производства неравенства и выявить новые неочевидные механизмы, стоящие за ним.

Литература

- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / Пер. с немец. и общ. ред.: Ю. Н. Давыдов. М.: ПрогрессС.
- Вебер М. (1992). Класс, статус и партия // Социальная стратификация / С. А. Белановский (ред.). Вып. 1. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 19–38

- Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. (2016). Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 5. С. 76-97.
- Куракин Д. (2020). Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167-231.
- Латыпов И. А. (2021). «Контрфинальность» в социологической теории: реконцептуализация понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 4. С. 697-710.
- Латыпов И. А. (2022). Действие, парадокс и непреднамеренные последствия: контрфинальность как комплексная социологическая проблема // Социологические исследования. № 5. С. 3-14.
- Лукина А. А. (2023). Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. № 2. С. 133-160.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961). Сочинения. Изд. 2. Т. 20. М.: Политиздат, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Мертон Р. (2009). Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / Пер. с англ. В. Кузьминова // Социологический журнал. № 2. С. 5-17.
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2018). Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // Экономическая социология. Т. 19. № 5. С. 66-89.
- Чиркина Т. А. (2018). Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 109-125.
- Asteriou D., Dimelis S., Moudatsou A. (2014). Globalization and income inequality: A panel data econometric approach for the EU27 countries // Economic Modelling. Vol. 36. P. 592-599.
- Atkinson T. (2015). What can be done about inequality? // Juncture. Vol. 22. № 1. P. 32-41.
- Bagchi S., Svejnar J. (2015). Does wealth inequality matter for growth? The effect of billionaire wealth, income distribution, and poverty // Journal of Comparative Economics. Vol. 43. № 3. P. 505-530.
- Boudon R. (1974). Education, Opportunity, and Social Inequality. New York: Wiley.
- Boudon R. (2016). [1982]. The unintended consequences of social action. New York: Springer.
- Breen R., Chung I. (2015). Income Inequality and Education // Sociological Science. Vol. 2. P. 454-477.
- Breen R., Goldthorpe J. (1997). Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory // Rationality and Society. Vol. 9. № 3. P. 275-305.
- Castells-Quintana D., Royuela V. (2017). Tracking positive and negative effects of inequality on long-run growth // Empirical Economics. Vol. 53. № 4. P. 1349-1378.
- Cherkaoui M. (2007). Good Intentions: Max Weber and the Paradox of Unintended Consequences. Oxford: Bardwell Press.

- De Zwart F.* (2015). Unintended but not unanticipated consequences // *Theory and Society*. Vol. 44. № 3. P. 283-297.
- Elster J.* (1978). *Logic and society: contradictions and possible worlds*. Chichester: J. Wiley.
- Erikson R., Goldthorpe J.* (2010). Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility // *British Journal of Sociology*. Vol. 61. P. 211-230.
- Giddens A.* (1986) [1984]. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press/Oxford: Basil Blackwell.
- Glaesser J., Cooper B.* (2014). Using Rational Action Theory and Bourdieu's Habitus Theory Together to Account for Educational Decision-making in England and Germany // *Sociology*. Vol. 48. № 3. P. 463-481.
- Goldthorpe J.* (2012). Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted // *Revista Española De Investigaciones Sociológicas (REIS)*. Vol. 137. № 1. P. 201-215.
- Gross M.* (2003). Sociologists of the Unexpected. Edward A. Ross and Georg Simmel on the Unintended Consequences of Modernity // *The American Sociologist*. Vol. 34. P. 40-58.
- Guidetti, G., Rehbein B.* (2014). Theoretical Approaches to Inequality in Economics and Sociology // *Transcience*. Vol. 5. № 1. P. 1-15.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J., Yaish M.* (2007). Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales // *Acta Sociologica*. Vol. 50. № 3. P. 211-229.
- Kuznets S.* (1955). Economic growth and income inequality // *The American Economic Review*. Vol. 45. № 1. P. 1-28.
- Lamont M., Beljean St., Clair M.* (2014). What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality // *Socio-Economic Review*. Vol. 12. № 3. P. 573-608.
- Lamont M., Pierson p.* (2019). Inequality Generation & Persistence as Multidimensional Processes: An Interdisciplinary Agenda // *Daedalus*. Vol. 148. № 3. P. 5-18.
- Lareau A.* (2003). *Unequal Childhood: Class, Race, and Family Life*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Levinson M.* (2006). *The Box: How the Shipping Container Made the World Smaller and the World Economy Bigger*, Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Lucas S. R.* (2001). Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // *American Journal of Sociology*. Vol. 106. № 6. P. 1642-1690.
- Marrero G. A., Rodríguez J. G.* (2013). Inequality of opportunity and growth // *Journal of Development Economics*. Vol. 104. P. 107-122.
- Massey D. S.* (2007). *Categorically unequal: The American stratification system*. New York: Russell Sage Foundation.
- Mennell S.* (1977). Individual action and its social consequences in the work of Norbert Elias' // *Human Figurations: Essays for Norbert Elias*. Amsterdam: *Amsterdams Sociologisch Tijdschrift*. P. 99-109.

- Mica A.* (2018). *Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible*. London and New York: Routledge.
- Mica A.* (2014). Weber's 'Essential Paradox of Social Action': What Can Sociology of the Unintended Learn from Public Policy Analysis? // *Profilaktyka Społeczna i Resocjalizacja*. Vol. 23. P. 71–95.
- Mills M.* (2009). Globalization and Inequality // *European Sociological Review*. Vol. 25. № 1. P. 1–8.
- Monk E. P.* (2022). Inequality without Groups: Contemporary Theories of Categories, Intersectional Typicality, and the Disaggregation of Difference // *Sociological Theory*. Vol. 40. № 1. P. 3–27.
- Nayyar D.* (2014). Why employment matters: Reviving growth and reducing inequality // *International Labour Review*. Vol. 153. № 3. P. 351–364.
- Popper K.* (1957). *The Poverty of Historicism*. Boston: The Beacon Press.
- Raftery A. E., Hout M.* (1993). Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975 // *Sociology of Education*. Vol. 66. № 1. P. 41–62.
- Ridgeway C. L.* (2014). Why Status Matters for Inequality // *American Sociological Review*. Vol. 79. № 1. P. 1–16.
- Roth W. D.* (2012). *Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Sartre J. P.* (2004). *Critique of Dialectical Reason: volume 1 Theory of Practical Ensembles*. London: Verso.
- Sauder M.* (2020). A Sociology of Luck // *Sociological Theory*. Vol. 38. № 3. P. 193–216.
- Schelling T. C.* (1978). *Micromotives and Macrobehavior*. London and New York: W. W. Norton.
- Sieber S.* (1981). *Fatal Remedies. The Ironies of Social Intervention*. New York: Plenum.
- Tilly C.* (1998). *Durable inequality*. Los Angeles: University of California Press.
- Van Parijs p.* (1982). Perverse effects and social contradictions: analytical vindication of dialectics? // *The British Journal of Sociology*. Vol. 33. № 4. P. 589–603.
- Vernon R.* (1979). Unintended Consequences // *Political Theory*. Vol. 7. № 1. P. 57–73.
- Walby S., Armstrong J., Strid S.* (2012). Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory // *Sociology*. Vol. 46. № 2. P. 224–240.
- Zingerle A.* (1998). The Unanticipated Consequences of Action: Sociological and Ethical Aspects // Robert K. Merton and Contemporary Sociology Tabboni/S. Mongardini (ed.). New Brunswick (NJ): Transaction Publishers. p. 177–186.

Unintended Consequences of Intentional Actions: Why Does Inequality Remain Stable?

Ilyas Latypov

Lecturer at the Department for Social Institutions Analysis, Junior Research Fellow at the Center for Cultural Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: ialatypov@hse.ru; i.latypov94@mail.ru

By the problem of inequality social scientists usually understood socioeconomic inequality. Economic theories explain the stability of inequality by connection with macro processes and a certain history of society development. Sociological theories describe inequality more broadly, including in the analysis, in addition to economic variables, the concepts of status and prestige. Modern sociological theories focus on the processes that form the more subtle mechanisms of production and reproduction of inequality. For example, this includes cognitive processes that form categorical inequality based on schematization and classification, as well as cultural processes that manifest themselves in everyday actions through evaluation, standardization and rationalization. However, in addition to clarifying these more subtle mechanisms of inequality reproduction, these theories describe an unintended element in this process. From the point of view of the theory of unintended consequences, this process can be based on social actions, social interaction and the mechanisms of reproduction of institutionalized practices. Theoretical analysis indicates that many sociological theories of inequality include an unintended element and fit into the framework of the study of unintended consequences. This makes the problem of inequality more complex, but allows us to clarify the key resources with which it is reproduced. Moreover, the process of eliminating inequality can lead to a situation of counterfinality, when the initial intention to reduce inequality leads to its increase. Such a view requires that the process of implementing reforms to reduce inequality involves an analysis of the intentions, taking into account a variety of circumstances and dimensions of inequality.

Keywords: inequality, unintended consequences, rational choice theory, education, counterfinality, cultural processes, categorical inequality.

References

- Asteriou D., Dimelis S., Moudatsou A. (2014) Globalization and income inequality: A panel data econometric approach for the EU27 countries. *Economic Modelling*, vol. 36, pp. 592–599.
- Atkinson T. (2015) What can be done about inequality? *Juncture*, vol. 22, no 1, pp. 32–41.
- Bagchi S., Svejnar J. (2015) Does wealth inequality matter for growth? The effect of billionaire wealth, income distribution, and poverty. *Journal of Comparative Economics*, vol. 43, no 3, pp. 505–530.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality*, New York: Wiley.
- Boudon R. (2016) [1982] *The unintended consequences of social action*, New York: Springer.
- Breen R., Chung I. (2015) Income Inequality and Education. *Sociological Science*, vol. 2, pp. 454–477.
- Breen R., Goldthorpe J. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*, vol. 9, no 3, pp. 275–305.
- Castells-Quintana D., Royuela V. (2017) Tracking positive and negative effects of inequality on long-run growth. *Empirical Economics*, vol. 53, no 4, pp. 1349–1378.
- Cherkaoui M. (2007) *Good Intentions: Max Weber and the Paradox of Unintended Consequences*, Oxford: Bardwell Press.
- Chirkina T.A. (2018) Social'no-jekonomicheskoe polozhenie i vybor obrazovatel'noj traektorii uchashchimisja: teoreticheskie podhody k izucheniju vzaimosvjazi [Review of Theoretical

- Approaches to the Study of the Relationship between Students' SocioEconomic Status and Educational Choice]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 109–125.
- De Zwart F. (2015) Unintended but not unanticipated consequences. *Theory and Society*, vol. 44, no 3, pp. 283–297.
- Elster J. (1978) *Logic and society: contradictions and possible worlds*, Chichester: J. Wiley.
- Erikson R., Goldthorpe J. (2010) Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility. *British Journal of Sociology*, vol. 61, pp. 211–230.
- Giddens A. (1986) [1984] *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*, Cambridge: Polity Press/Oxford: Basil Blackwell.
- Glaesser J., Cooper B. (2014) Using Rational Action Theory and Bourdieu's Habitus Theory Together to Account for Educational Decision-making in England and Germany. *Sociology*, vol. 48, no 3, pp. 463–481.
- Goldthorpe J. (2012) Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted. *Revista Española De Investigaciones Sociológicas (REIS)*, vol. 137, no 1, pp. 201–215.
- Gross M. (2003) Sociologists of the Unexpected. Edward A. Ross and Georg Simmel on the Unintended Consequences of Modernity. *The American Sociologist*, vol. 34, pp. 40–58.
- Guidetti G., Rehbein B. (2014) Theoretical Approaches to Inequality in Economics and Sociology. *Transcience*, vol. 5, no 1, pp. 1–15.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J., Yaish M. (2007) Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*, vol. 50, no 3, pp. 211–229.
- Khavenson T., Chirkina T. (2018) Jeftektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vybor obrazovatel'noj traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality. The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 66–89.
- Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) Vosproizvodstvo social'nogo neravenstva v rossijskoj obrazovatel'noj sisteme [The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no 5, pp. 76–97.
- Kurakin D. (2020) Tragedija neravenstva: raschelovechivaja «total'nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 167–231.
- Kuznets S. (1955) Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, vol. 45, no 1, pp. 1–28.
- Lamont M., Beljean St., Clair M. (2014) What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality. *Socio-Economic Review*, vol. 12, no 3, pp. 573–608.
- Lamont M., Pierson p. (2019) Inequality Generation & Persistence as Multidimensional Processes: An Interdisciplinary Agenda. *Daedalus*, vol. 148, no 3, pp. 5–18.
- Lareau A. (2003) *Unequal Childhood: Class, Race, and Family Life*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Latypov I. A. (2021) «Kontrfinal'nost'» v sociologicheskoj teorii: rekonceptualizacija ponjatija [Counterfinality' in sociological theory: Reconceptualization of the concept]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 4, pp. 697–710.
- Latypov I. A. (2022) Dejstvie, paradoks i neprednamerennye posledstvija: kontrfinal'nost' kak kompleksnaja sociologicheskaja problema [Action and unintended consequences: counterfinality's paradox as a sociological problem]. *Sociological Studies*, no 5, pp. 3–14.
- Levinson M. (2006) *The Box: How the Shipping Container Made the World Smaller and the World Economy Bigger*, Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Lucas S. R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*, vol. 106, no 6, pp. 1642–1690.
- Lukina A. A. (2023) Obrazovatel'nye traektorii studentov pervogo pokolenija kak kejs neravenstva v vysshem obrazovanii [Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education]. *Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 133–160.
- Marrero G. A., Rodríguez J. G. (2013) Inequality of opportunity and growth. *Journal of Development Economics*, vol. 104, pp. 107–122.

- Marx K., Engels F. (1961) *Sochinenija. Izdanie 2. Tom 20.* [Writings. Edition 2. Volume 20], Moscow: Politizdat, Institut Marksizma-Leninizma pri CK KPSS.
- Massey D.S. (2007) *Categorically unequal: The American stratification system*, New York: Russell Sage Foundation.
- Mennell S. (1977) Individual action and its social consequences in the work of Norbert Elias'. *Human Figurations: Essays for Norbert Elias*, Amsterdam: Amsterdams Sociologisch Tijdschrift, pp. 99-109.
- Merton R. (2009) Neprednamerennye posledstvija prednamerennogo social'nogo dejstvija [Unanticipated consequences of the purposive social action]. *Sociologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 5-17.
- Mica A. (2014) "Weber's 'Essential Paradox of Social Action': What Can Sociology of the Unintended Learn from Public Policy Analysis?" *Profilaktyka Społeczna i Resocjalizacja*, vol. 23, pp. 71-95.
- Mica A. (2018) *Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible*, London and New York: Routledge.
- Mills M. (2009) Globalization and Inequality. *European Sociological Review*, vol. 25, no 1, pp. 1-8.
- Monk E. P. (2022) Inequality without Groups: Contemporary Theories of Categories, Intersectional Typicality, and the Disaggregation of Difference. *Sociological Theory*, vol. 40, no 1, pp. 3-27.
- Nayyar D. (2014) Why employment matters: Reviving growth and reducing inequality. *International Labour Review*, vol. 153, no 3, pp. 351-364.
- Popper K. (1957) *The Poverty of Historicism*, Boston: The Beacon Press.
- Raftery A. E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921-1975. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41-62.
- Ridgeway C.L. (2014) Why Status Matters for Inequality. *American Sociological Review*, vol. 79, no 1, pp. 1-16.
- Roth W. D. (2012) *Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Sartre J. P. (2004) *Critique of Dialectical Reason: volume 1 Theory of Practical Ensembles*, London: Verso.
- Sauder M. (2020) A Sociology of Luck. *Sociological Theory*, vol. 38, no 3, pp. 193-216.
- Schelling T. C. (1978) *Micromotives and Macrobehavior*, London and New York: W. W. Norton.
- Sieber S. (1981) *Fatal Remedies. The Ironies of Social Intervention*, New York: Plenum.
- Tilly C. (1998) *Durable inequality*, Los Angeles: University of California Press.
- Van Parijs p. (1982) Perverse effects and social contradictions: analytical vindication of dialectics? *The British Journal of Sociology*, vol. 33, no 4, pp. 589-603.
- Vernon R. (1979) Unintended Consequences. *Political Theory*, vol. 7, no 1, pp. 57-73.
- Walby S., Armstrong J., Strid S. (2012) Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*, vol. 46, no 2, pp. 224-240.
- Weber M. (1990) *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. Izbrannye proizvedenija* [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works] (eds. Y. N. Davydov), Moscow: Progress.
- Weber M. (1992) *Klass, status i partija* [Class, status and party]. *Social'naja stratifikacija Vyp. 1.* [Social stratification. Issue 1] (eds. S. A. Belanovskij), Moscow: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN, pp. 19-38.
- Zingerle A. (1998) The Unanticipated Consequences of Action: Sociological and Ethical Aspects. *Robert K. Merton and Contemporary Sociology Tabboni* (ed. S. Mongardini), New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, pp. 177-186.